

сборника. Однако взятые все вместе, эти мотивы невольно вынуждают искать объективные причины, побудившие русского книжника так кардинально перекроить древнеболгарское стихотворение. В связи с этим не имеем ли мы права с некоторой долей уверенности в своей правоте высказать предположение, что рассматриваемая переделка явилась в какой-то мере откликом на одну из ожесточенных богословских схваток XVII в.: либо на распри «ревнителей древлего благочестия» с никонианами в период церковной реформы, расколовшей русское общество, либо на знаменитый спор о пресуществлении святых даров? Определить точно время ее появления не представляется возможным. Но состав буквенного ряда, сопровождающего текст, позволяет как будто заключить, что она возникла в ту пору, когда так называемое второе южнославянское влияние было позади, т. е. не ранее середины—второй половины XVI в. Если же высказанное выше предположение будет принято, то в таком случае составление переделки отодвинется на столетие позже.

Затруднительно дать исчерпывающий ответ на вопрос, какое место занимает «Пролог о Христе» в утверждении в славянских литературах искusstвенного стихотворства. Несомненно, однако, что двенадцатисложник, легший в основание «Пролога», в начальной болгарской книжности получил известное распространение. Не бездумно следовал ритмической схеме «Азбучной молитвы» составитель «Похвалы царю Симеону», открывающей «Изборник 1073 года». Этому же размеру придерживались авторы «Прогласа к Евангелю» и «Ярославского азбуковника». Учитывая трагичность судьбы древнеболгарских памятников³⁰ и тот факт, что значительное число славянских акростихов до неузнаваемости испорчено переписчиками и начальный их облик трудно восстановим, следует, видимо, признать, что двенадцатисложный цезурованный стих был не таким уж «уникальным явлением». Поэтому заключение Л. И. Тимофеева, что даже в момент своего рождения эти произведения были «лишь графическим подражанием внешнему виду стихотворных строк («византийских образцов», — Э. З.), каждая из которых писалась отдельно и начиналась с большой буквы»,³¹ мягко говоря, поспешно. Не более оправдано и следующее суждение Л. И. Тимофеева — об отсутствии в них «ритма». Касательно «рифмы» исследователь прав, но рифма отнюдь не обязательный признак стиха. Ритм же стиха, как известно, создается повторением соизмеримых отрезков. Такие отрезки, содержащие по 12 слогов в каждом, наличествуют в упомянутых памятниках. Усилению ритма, по справедливому убеждению их авторов, должен был способствовать и «дополнительный ритмический определитель» — цезура. Как звучали эти стихи в живом исполнении, нам узнать, очевидно, не суждено; современная мерка к ним не подходит. Ясно одно: зачинатели славянской книжности стремились к наиболее полному освоению византийского литературного опыта.

Еще менее определены представления о стихотворстве киевского периода русской литературы. Не будем вдаваться в существо этого вопроса; современное состояние его разработки достаточно полно освещено в упоминавшейся статье А. М. Панченко. Автор статьи совершенно прав, утверждая мысль о несостоятельности взгляда, высказанного А. И. Соболевским, согласно которому русские писцы, копировавшие древнеболгар-

³⁰ См.: Э. Г. Зыков. Некоторые соображения об объеме и характере начальной болгарской литературы. — Ученые записки Карельского педагогического института, т. XVIII, Петрозаводск, 1967, стр. 68—75.

³¹ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958, стр. 206.